

И. П. Салтанович

КУЛЬТУРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРИГГЕР КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА

Основная идея статьи заключается в том, что в мире после «холодной войны» культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизаций) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта. Когда группы находятся в конфликте (пример Нагорного Карабаха), культурные предубеждения могут стать триггером для дальнейшего разоб-

щения и предотвращения примирения. Раскрывается, что в научной литературе культурные факторы слабо учитываются при анализе потенциально насильственных ситуаций межгрупповых конфликтов. Делается предположение, что для урегулирования серьезных противоречий нет необходимости устранять разногласия. Скорее важно понять их — из чего состоят и почему существуют, — чтобы гарантировать, что они не приведут к насилию или дадут возможность военную конфронтацию прекратить.

Национальная безопасность в значительной степени определяется культурой. Ни одна нация не может достичь полной безопасности в любые времена, и борьба с предполагаемыми угрозами может быть актуализирована путем адаптации элементов культуры для обеспечения выживания, разработки стратегий, чтобы предотвратить потенциальную и фактическую дестабилизацию. Как точно отмечает А. Бейер в своей работе «Международная политическая психология: исследования новой дисциплины», «международные отношения по своей сути связаны с отношениями между людьми, которые в основном рассматриваются как крупномасштабные социальные общности, такие как национальные государства» [1, р. 10]. Принимая во внимание культурные различия в «средовом» определении безопасности, мы все больше понимаем, насколько они важны. Отсюда и выстраивается представление о культуре как о стратегическом инструменте.

Ограничения и возможности культур как регулирующих инструментов в международном сотрудничестве и разработке политики в настоящее время являются предметом растущего числа исследований. Восприятие времени и пространства, а также поведение и мышление в своем различии оказывают влияние на все культурные уровни, начиная с индивидуального и заканчивая национальным. Многие вопросы, представляющие первостепенный интерес для общественных, политических и военных кругов, требуют более тщательной оценки с точки зрения их зависимости от влияния культурных факторов.

Серьезные проблемы защищенности от конфликтов связаны с рисками безопасности и их оценкой. Оценка риска в области безопасности никогда не бывает легкой и должна включать как аналитический, так и интуитивный подход. В очередной раз сравнительная теория культуры позволяет увидеть трудности такого подхода. Анализ хорошо работает в западной среде, но западные люди зачастую плохо овладевают целостным пониманием ситуации. Закавказский или азиатский человек интуитивно гораздо лучше реагирует на ту или иную ситуацию, но ему как раз сложнее выработать аналитический подход к конфликтной ситуации.

Существует мало систематических доказательств того, что культурные различия сами по себе являются серьезной причиной организованного насилия. Что еще предстоит изучить, так это предположение о том, что непонимание — а не различие — между культурами является фундаментальным источником конфликта. Ясно, что многие из самых высоких надежд мира на будущее теперь связаны с достижением лучшего взаимопонимания между культурами. Растущее количество информации о том, как акторы

думают о себе и друг о друге, вызывает всеобщее волнение, особенно в то время, когда информацией и знаниями манипулируют с беспрецедентной ловкостью; однако источники и распространение общих убеждений и ценностей, отраженных в слове *культура* в данном контексте, остаются малоизученными.

Дихотомия «война–культура» развивалась, можно сказать, вместе с человечеством, которое всегда находилось либо в состоянии войны, либо в подготовке к ней, либо в восстановлении своего хозяйства после нее. То есть война как прочно вписанный в культуру аспект никогда не выгружалась из сознания [2].

Культура представляет собой сложный процесс как на индивидуальном, так и на национальном уровне, тесно связанный с самоидентификацией и формированием идентичности. Она часто недооценивается или игнорируется, особенно в области международных отношений. Этому есть разные причины. Во-первых, непонимание того, что означает культура и как она может влиять на политику. Во-вторых, культура обычно воспринимается статично, а не как процесс. В-третьих, культура охватывает все уровни общества, от индивидуума до сообщества, все сферы, а не ограничивается каким-то одним конкретным социальным уровнем.

Культура как триггер конфликта

Если мы понимаем концепцию культуры как совокупность общих убеждений, представлений и моделей поведения, эволюционировавших для достижения успеха или выживания в мире, тогда имеет смысл предположить, что особенно стрессовая среда войны вырастает и из культурных противоречий, служащих триггером, а в рассматриваемом случае – триггером историческим, и способствует развитию собственных «культур».

Слово *триггер* (англ. *trigger*) дословно переводится как ‘спусковой крючок’. Изначально «триггером» называли рычаг, на который нужно нажать, чтобы привести пистолет в действие. Позже слово приобрело еще один смысл — так стали называть внешний стимул, который запустил какое-либо действие, реакцию или событие.

Культура рассматривается как совокупность знаний и традиций, зависящих от человеческого созидания и не имеющих природного происхождения. При этом продолжают и поиски свидетельств неразрывной связи биологии и культуры. Культурный конфликт (в нашем контексте и военный) происходит только тогда, когда верования и традиции одной культурной группы представляют собой вызов для людей другой.

Поскольку природа моральных ценностей, в значительной степени определяемая культурой, отстраивает поступки людей и влияет на принятие ими решений, теорией предлагается увидеть два способа проявления этой природы – *деонтологический* и *утилитарный*. Деонтологический процессинг определяется акцентом на абсолютном праве и неправоте, что также называют этикой долга (или долженствования), тогда как утилитарный характеризуется затратами и выгодами.

Как ни странно, но перспективы нанесения ущерба экономике и как следствие огромное число смертей не обязательно сбивают людей с их позиции относительно того, идти ли на войну, выбирать революцию или сопротивление. Одно из возможных объяснений состоит в том, что люди вообще не взвешивают все «за» и «против» для продвижения материальных интересов, а, скорее, используют моральную логику «священных ценностей» – убеждений, превосходящих все другие соображения, которые невозможно измерить количественно [3].

В потенциально насильственных ситуациях межгруппового конфликта священные ценности, по-видимому, действуют как моральные императивы, триггеры, которые порождают действия независимо или несоразмерно их очевидным или вероятным результатам, потому что поступать независимо от последствий – это правильно. Дж. Лантис отмечает, что «культурные верования и ценности действуют как отдельная национальная линза, формируя восприятие событий и даже направляя возможные социальные реакции» [4].

Культура влияет на то, как мы воспринимаем конфликт, в какие рамки мы его ставим и как мы пытаемся его разрешить. Именно культура определяет, а существует ли конфликт вообще. Есть мнение, что нагорно-карабахский конфликт – это столкновение двух антагонистичных цивилизаций: армянской и азербайджанской.

Среди всех нынешних этнических конфликтов в Закавказье ситуация вокруг Нагорного Карабаха, пожалуй, самая сложная и трудноразрешимая. Ведь это не просто спор из-за куска земли, это конфронтация, которая во многом затрагивает суть армянской и азербайджанской национальной самоидентификации. Обе стороны претендуют на эту территорию и предоставляют собственные, зачастую взаимоисключающие, интерпретации прошлого для обоснования своих исторических прав.

Следовательно, вполне определенно можно говорить о том, что интеллектуальный базис идеологического компонента нагорно-карабахского конфликта лежит не в плоскости исламско-христианских противоречий, а в глубинных пластах миропонимания, выходящих за рамки канонической традиции основных мировых религий современности.

Межцивилизационный характер конфликта

«Линия разлома» между сторонами данного конфликта более глубокая, а потому еще более труднопреодолимая, чем чисто религиозная, и пролегает она сразу в пяти плоскостях — межгосударственной, межнациональной, межрелигиозной, межкультурной и межрасовой. Именно поэтому нагорно-карабахский конфликт не похож ни на один из ранее известных истории человечества [5].

Американский исследователь С. Хантингтон, исследуя в своей работе «Столкновение цивилизаций» культурную несовместимость религиозного и идеологического содержания цивилизационного развития, полагает, что на смену войнам идеологического типа (межгосударственным) приходят войны

культурных идентичностей (межцивилизационные). «Основная идея этого труда заключается в том, что в мире после “холодной войны” культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизаций) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта» [6, с. 15].

Учитывая аспект, что цивилизационный конфликт вокруг Нагорного Карабаха выходит далеко за рамки традиционной хантингтоновской «войны на линии разлома» между двумя современными мировыми религиями, он приобретает для каждой из сторон пафос вселенской борьбы между силами Добра и Зла, участвуя в которой, каждая из них видит и понимает себя орудием Добра.

Причем в этом случае архетипичность ментальности армян играет куда более существенную роль в сравнении с религиозной ментальностью азербайджанцев, которые в силу традиционной «светскости» своего мировоззрения сегодня более склонны воспринимать нагорно-карабахский конфликт как межгосударственный или как межэтнический, но отнюдь не как эсхатологический, каким он воспринимается или, по крайней мере, публично демонстрируется с позиции радикального армянского политического неоязычества [5]. К. Грей объясняет, что каждое общественное действие в области безопасности представляет собой иллюстрацию стратегических предпочтений, на которые влияют индивидуальные, организационные, нормативные и другие культурные переменные, работающие как показатели конкретной стратегической культуры [7, р. 52].

Ступени поиска причин

Интересный анализ культурно-исторических причин конфликта можно найти в обзоре как русско- так и англоязычных работ, посвященных данной тематике, предложенных историком, антропологом А. Ямсковым, который называет себя «самым проазербайджанским из в целом проармянских авторов», никогда не ставившим под сомнение чье бы то ни было право на самоопределение [8].

В работах, в том числе и самого А. Ямского, речь идет не только о настоящем времени, но и о близкой или не очень близкой истории, о предпосылках того, что происходит сейчас, в частности, о природе «культурного триггера». Они предоставляют возможность наиболее полно понять, на чем основываются диаметрально противоположные взгляды современных армян и азербайджанцев, которые уверены, что Карабах именно их.

В работе Т. Де Ваала «Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной» [9] можно найти взвешенный и компактный анализ, который сосредоточен на том, что происходило в Нагорном Карабахе, Армении и Азербайджане с февраля 1988 года. Исследование журналиста, ученого-политолога выстроено на попытке понять, как Карабахский конфликт из конфликта этнического, основанного на апелляции к истории, международному праву, правам человека, перерос в вооруженное столкновение, в войну.

Книга американского историка О. Альтштадта «The Azerbaijani Turks: Power and Identity Under Russian Rule» [10] очень хорошо показывает, как в период Российской империи и в советские годы формировалась идентичность современных азербайджанцев; представление о том, кто они такие, что они за народ, какова их этническая культура, какие события в их истории выделяются как важнейшие, кто для них народы-друзья, а кто — исторические оппоненты.

В работе «Глядя на Арарат» [11] классика американских исторических исследований Р. Суни проделана сходная работа в отношении Армении. Последние две книги [12; 13] — это работы молодых исследователей, выросшие из защищенных в США диссертаций. Здесь можно увидеть некие симпатии, антипатии, но все это очень мягко, подспудно.

Этот небольшой анализ работ современных авторов демонстрирует явные и скрытые процессы возникновения культурного конфликта, когда правила и ценности одной культурной группы существенно отличаются от другой. Одна совокупность ценностей, которая, кажется, приобретает священный статус в различных культурных средах, нарушение чего часто вызывает моральное возмущение, способное привести к крайнему насилию, касается концепции «чести» [14]. Любое предполагаемое нарушение кодекса чести лицами, не принадлежащими к «своему» обществу, может быть основанием для насилия и даже войны, появляется почва для срабатывания триггера.

Суть аргументации здесь вращается вокруг предположения, что представления об истории и национальных мифах внутри общества более или менее создают коллективную идентичность; следовательно, они могут также культивировать нормы, модели убеждений или представления о безопасности и угрозах. Отмечается, по мнению Р. Хермана, что современные политические психологи возродили особый интерес к анализу «восприятий» в международных отношениях в связи с «несостоятельностью теорий, которые опирались на чисто материальные факторы для объяснения начала войны и заключения мира» [15, р. 336], не учитывая культурный триггер как таковой.

Культурные предубеждения

С точки зрения здравого смысла конфликт не выгоден ни Армении, ни Азербайджану. Речь идет, прежде всего, о кризисе на постсоветском пространстве, в котором участвуют дети и внуки советских армян и советских азербайджанцев. Азербайджан вынужден ежегодно наращивать военные расходы, в то время как наиболее сознательная часть армянской диаспоры, не желающая финансировать войну, не имеет возможности вкладывать инвестиции в экономику Армении. Сотни тысяч гектаров земли и инфраструктуры оккупированных районов уничтожено, на восстановление и разминирование уйдет не один год. Это касается сотен жилых домов, школ, медицинских пунктов и другой инфраструктуры, обеспечивающей функционирование некогда процветавших городов и районов, где армяне и азербайджанцы могли проживать в мире и дружбе.

Когда группы находятся в конфликте, культурные предубеждения служат триггером для дальнейшего разобщения и предотвращения примирения. Можно предположить, что эти предубеждения подавляют способность человека либо думать о душевном состоянии кого-то из конфликтующей культуры, либо сочувствовать его боли. Поэтому специальные механизмы правоприменения являются ключевыми факторами, поскольку культурное давление не безболезненно; оно работает через внутренние нравы, стыд, через пренебрежение или одобрение других. Опять же, вспоминая Й. Хейзингу, уместно применить метафору игры. Правила игры не просто говорят игроку, какие ходы можно и нельзя сделать, они указывают, в чем суть игры; они раскрывают его цель и задачи, а также ожидаемое поведение игрока, учитывая культурные коды.

В условиях глобализации виртуальная война за «исторические территории» угрожает армянскому этносу изоляцией. Национализация агрессии в представлении армянских сепаратистов разделяет мировое сообщество на друзей и врагов армян. Положительно относящиеся к оккупации считаются друзьями и соратниками армянского народа, в то время как любая иная точка зрения подвергается жесточайшей критике.

Что касается Азербайджана, то карабахский конфликт привел к консолидации сил вокруг сохранения суверенной государственности. Нагорно-карабахский конфликт был навязан Азербайджану извне, спровоцировав сепаратистские тенденции в районах традиционного проживания лезгин, аварцев и талышей. Азербайджанское общество взяло курс на предотвращение раскола. Оккупация стала причиной вражды двух народов, веками проживавших в мире, однако ненависть не может служить основой построения национального общества. Современные азербайджанцы не испытывают ненависти к армянам (это подтверждают многочисленные контакты и сотрудничество представителей двух народов за пределами Южно-Кавказского региона), при этом они твердо отстаивают сохранение суверенной государственности, признавая необходимость пресекать попытки армянского национализма разрушить ее.

Сегодня Баку ограничивается исключительно нормами международного права, а также практикой дипломатических отношений в урегулировании последствий конфликта. После возвращения оккупированных территорий в основу их экономического, социального, административного и гуманитарного обустройства может быть заложен принцип этатизма, так как восстановление какой-либо автономии противоречит интересам и армянского, и азербайджанского народов [16].

Как объясняет П. Хинтон, теория стратегической культуры предполагает, что государства подходят к стратегическим вопросам по-разному в зависимости от собственного жизненного опыта. Теория «основана на понимании того, что государства предрасположены своим историческим опытом, политическими системами и культурами к решению вопросов безопасности своим определенным образом» [17, p. 81].

Культурные конфликты – это не просто результат различных традиций. Культурные различия не всегда приводят к конфликту, но несколько факторов, называемых в данном контексте триггером, как в локальном, так и в глобальном масштабе увеличивают вероятность конфликта.

Вертикальные, от поколения к поколению, формы социальной структуры и информационных иерархий разрушаются, и многие, особенно молодые, формируют свою идентичность в глобальной политической культуре, управляемой средствами массовой информации, посредством горизонтальных одноранговых отношений, которые игнорируют исторические и пространственные ограничения. По сути, люди хотят жить, процветать и создавать лучшее будущее для себя и своих детей, а также тех, о ком они заботятся. Когда эти основные цели находятся под угрозой, конфликт более вероятен.

«Территориальные споры – одни из самых сложно разрешимых на свете. Так уж повелось, что именно территория воспринимается как наиболее ценный ресурс, значение которого со временем сакрализуется», — справедливо замечает российский политгеограф И. Окунев [18]. Но без существенной коррекции представлений о нации, государстве, суверенитете самые креативные дипломаты с выверенными планами не помогут. Любые войны заканчиваются переговорами о мире, даже мировые. Вопрос лишь в том, сколько времени и жертв потребуется Армении и Азербайджану для понимания этой максимы.

Предварительные выводы в этой статье показывают, что внутренние факторы, если их поместить в контекст культуры и процесс принятия решений, могут повлиять на стратегическое поведение, выбор и в конечном счете на реализацию политики национальной безопасности.

В ситуациях конфликтов, подобных нагорно-карабахскому, требуются особые виды «диалогических» нарративов, раскрывающие, а не затемняющие истину. Очевидно, что для осуществления диалога необходимо включать голоса обеих сторон, при этом важно услышать обе версии истории. Наверное, в таком «диалогическом режиме» стороны могут узнать много и негативного друг о друге. Однако только таким образом, создавая пространство для диалогического общения, можно надеяться на преодоление взаимной ненависти и недоверия между сторонами [19, с. 130].

Понятие культуры часто объясняют, используя ее сравнение с айсбергом, большая часть которого скрыта водой. Не принимать культурный фактор во внимание может оказаться очень опасным, особенно, когда речь идет об урегулировании конфликта. Учет культурного субстрата конфликта позволяет предпринимать более взвешенные, продуманные меры к его разрешению. Поэтому культурная грамотность является ключевой компетенцией для посредников и миротворцев, а также для всех, кто желает разрешить конфликт и не заинтересован в его продолжении.

Все социальные уровни важны для оценки любой ситуации с безопасностью, и можно совершить большую ошибку, если сосредоточиться только на конкретном социальном уровне или на конкретной культурной среде. Наш мир

глобализирован. Но чем более глобальным он становится, тем важнее для разрешения и предотвращения конфликта оказывается учет местной специфики, аргументированное и обязательное включение культурных различий. Только тогда мы поймем людей из разных культур. При этом важно принимать и других, а также их решения проблем на уровне собственного восприятия.

Возможно, первым шагом была бы попытка взрастить семена новой культуры, в основе которой понимание, что организованное насилие не является неизбежным. Как бы пафосно это ни звучало, то было бы великое достижение. Как показывает история человечества, колеса перемен могут вращаться очень медленно, когда речь идет о культурных установках. Но культурные изменения также могут иногда приводить к внезапным и неожиданным трансформациям, серьезно меняющим наше представление о безопасности. Вопрос о войне, несмотря на свою кажущуюся простоту, остается вопросом, на который пока нет удовлетворяющего всех действующих социальных субъектов ответа. Он по-прежнему находится в центре общественного обсуждения и продолжает привлекать к себе внимание исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Beyer, A. C.* International Political Psychology: Explorations into a New Discipline / A. C. Beyer. – 1st ed. – London : Palgrave Macmillan, 2017. – 207 p.
2. *Ларкин, Л. Г.* Парадигма взаимодействий война – культура [Электронный ресурс] / Л. Г. Ларкин // Аналитика культурологии : электронное научное издание. – Режим доступа: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/ite-m/1885D1%83%D1%80%D0%B0.html>. – Дата доступа: 25.09.2021.
3. *Baron, J.* Protected values / J. Baron, M. Spranca // Organizational Behavior and Human Decision. – 1997. – Vol. 70. – P. 1–16.
4. *Lantis, J. S.* Strategic culture: From Clausewitz to constructivism / J. S. Lantis // Strategic Culture and Weapons of Mass Destruction / J. L. Johnson. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2009. – P. 33–52.
5. *Кузнецов, О.* Нагорно-карабахский конфликт: «столкновение цивилизаций»? / О. Кузнецов // Кавказ & Глобализация: Журнал социально-экономических и политических исследований. – Стокгольм, 2013. – Т. 7. – Вып. 1–2. – С. 93–108.
6. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : ООО Изд-во АСТ, 2003. – 605 с.
7. *Gray, C. S.* Strategic culture as context: The first generation of theory strikes back / C. S. Gray // Review of International Studies. – 25(1). – 1999. – P. 49–69.
8. *Ямсков, А.* 5 книг о том, каковы исторические и этнокультурные причины Карабахского конфликта [Электронный ресурс] / А. Ямсков. – Режим доступа: <https://gorky.media/books-collection/5-knig-o-tom-kakovy-istoricheskie-i-etnoku-lturnye-prichiny-karabahskogo-konflikta/>. – Дата доступа: 19.09.2021.

9. *Де Ваал, Т.* Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной / Т. Де Ваал. – М. : Текст, 2004. – 251 с.
10. *Altstadt, A.* The Azerbaijani Turks: Power and Identity Under Russian Rule / A. Altstadt. – Hoover Institution Press, 1992. – 334 p.
11. *Suny, R.* Looking toward Ararat: Armenia in modern history / R. Suny. – Indiana Univ. Press, 1993. – 304 p.
12. *Oskanian, K.* Fear, Weakness and Power in the Post-Soviet South Caucasus: A Theoretical and Empirical Analysis / K. Oskanian. – Palgrave Macmillan, 2013. – 261 p.
13. *Shafiyev, F.* Resettling the Borderlands: State Relocations and Ethnic Conflict in the South Caucasus / F. Shafiyev. – McGill-Queen's Press-MQUP, 2019. – 330 p.
14. *Nisbett, R.* Culture of honor: the psychology of honor in the south / R. Nisbett, D. Cohen. – Boulder, CO : Westview Press, 1996. – 140 p.
15. *Herrmann, R. K.* Perceptions and image theory in international relations / R. K. Herrmann // The Oxford Handbook of Political Psychology. – 2nd ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2013. – P. 334–363.
16. Нагорно-карабахский конфликт: культурно-психологические последствия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vestikavkaza.ru/analytiks/Nagorno-karabakhskiy-konflikt-kulturno-psikhologicheskie-posledstviya.html>. – Дата доступа: 11. 09. 2021.
17. *Hinton, P.* Strategic culture: In defiance of a structural world order / P. Hinton // The RUSI Journal. – 2020. – N 165(4). – P. 80–87.
18. *Окунев, И.* Десять способов решения неразрешимого территориального спора [Электронный ресурс] / И. Окунев. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/artic-les/bylo-by-zhelanie/>. – Дата доступа: 11. 09. 2021.
19. *Карагезов, Р.* Нагорно-карабахский конфликт в ракурсе постмодернизма: культурные основания предвзятых интерпретаций / Р. Карагезов, Р. Кадырова // Кавказ и глобализация 2011. – Т. 5. – Вып. 1–2. – С. 121–130.

Поступила в редакцию 28.03.2022